'Действительно. Хотя меня беспокоят эти... таблетки, которые вы принимаете. Судя по твоим словам и моим глазам, слишком большое их количество может привести к плачевным последствиям.'

— Я знаю это, — отвечаю я, не забывая затягивать повязку на ране. — Не волнуйся, Мавла, если этот крем настоящий, мне не понадобятся эти таблетки. Мне не нравится ощущение, которое они вызывают, — Удовлетворенно кивнув на свою работу, я перехожу к следующей. — Но мне любопытно. Разве у вас не было какого-то суперсекретного лекарства, которое вы использовали?

‘Нет, откуда ты это слышал?’

— Нигде, — пожимаю я плечами и морщусь от боли. — Я просто предположил, что раз у тебя тайный Орден и все такое, то у тебя должно было быть что-то, что давало бы тебе преимущество перед остальными.

'Не намного. У нас были свои методы борьбы с травмами. Правда, у нас было несколько... продвинутых средств, но не до уровня современной эпохи. И что мы говорили о предположениях?'

Я сдерживаю ругательство.

— Никогда не предполагай. Это делает из нас с вами ослов. Предполагая и нанося удар, ты рискуешь разоблачением; проверяя и нанося удар, ты не рискуешь ничем.

'Хорошо. По крайней мере, я знаю, что этот урок тебе запомнился.'

Я вздыхаю. "Да, Мавла". Я смотрю на свою руку и киваю. Кажется, все в порядке, боли почти нет. Мне просто придется быть немного осторожнее... но, похоже, это тенденция последних дней. А вот скрыть это от мамы будет сложнее.

Я встаю и потягиваюсь, позволяя спине сбросить напряжение. Я беру в руки баночку с кремом и смотрю на нее. "Знаешь, я рад, что нам не пришлось грабить аптеку, чтобы достать это".

'Прятаться на виду. Иногда лучше, чем самая темная тень.'

Уголки моих губ дергаются.

— Поверь мне, Мавла, я знаю. Стоит провести в баре больше получаса, и начинаешь ценить пьяниц, — Я вздрагиваю. Этот бар не мог бы быть более заметным, даже если старался, - люди, музыка... вообще все. Запах прилипает к толстовке, поэтому я просто оставляю ее здесь. — Хотелось бы, чтобы обезболивающие не были из кармана этого насильника. Я чувствую себя грязным, когда смотрю на них.

'Он не будет пользоваться ими в обозримом будущем, к тому же это всего лишь инструмент. А инструмент не заслуживает гнева.'

— Верно, верно, — Я кладу руки на бедра и смотрю на стол. — Итак, что у нас за трофеи?

Передо мной лежали трофеи моего последнего убийства (до сих пор странно об этом думать). Пара телефонов, бумажники (разумеется, без кредитных карт. Нельзя, чтобы банки меня отслеживали), несколько перочинных ножей, а также траншейный нож - еще один в арсенал -

и самое лучшее: пакет Зиплок, наполненный холодной, твердой наличностью.

Вероятно, взятыми из безвольных или мертвых рук жертв банды. Аморально? Возможно. Но, к сожалению, лекарства не растут на деревьях и убивают кошелек. По крайней мере, я могу использовать его для лучшей цели, чем наркотики.

Я поднимаю его и пересчитываю пачки денег. Когда я закончил, то тихонько присвистнул, увидев сумму. 17 500 000 йен. Ничего себе. Я знал, что наркотики в Японии дорогие, но думал, что сайты преувеличивают. А тут только половина!

— Да, теперь мне точно не придется тратить деньги на оборудование.

'Это действительно удача, что мы наткнулись на этот клад, но следует быть осторожными. Монета может привести к смерти гораздо быстрее, чем кинжал.'

Я рассеянно киваю. Лучше спрятать их в надежном месте и оставить себе совсем немного. Я беру пачку и засовываю ее в сумку, как вдруг чувствую, что у меня начинает кружиться голова. Неужели я неправильно перевязал свои раны?

Нет, все в порядке. Не думаю, что в этих перьях был яд, а значит... Я открываю телефон и с шипением смотрю на время. Черт, неужели уже так поздно? Да еще и в школьный вечер!

— Пора идти, — бормочу я. Я меняю свою "рабочую" толстовку на чистую и укладываю трофеи в коробку. Убедившись, что она стоит в нужном месте в шкафу с улицы, я хватаю свою сумку и выхожу из логова.

— И что теперь? — спрашиваю я, шагая по безмолвному переулку.

'А ты как думаешь?'

Я хмыкаю, чтобы замаскировать 'Не знаю, поэтому и спрашиваю.' Я не хочу, чтобы посреди ночи меня трясло. Тем более на улице.

— Я... честно говоря, не знаю. Мы поймали этих парней после нескольких недель выслеживания и поножовщины. Поймать группировку якудза — это не то же самое, что инструкция по приготовлению рамена быстрого приготовления. Не у всех есть записи в телефоне, как у того идиота в баре.

'Надо было хотя бы допросить одного из них. Мы потеряли шанс получить ценную информацию.'

Я вздохнул.

— Я знаю, это было глупо. Эта травма застала меня врасплох. И... это выражение лица Савмута. Он был вне себя от ярости. Он не собирался говорить.

Разумеется, не было сказано, что я мог бы... убедить его заговорить. У меня была возможность. Я уделял внимание урокам. И, возможно, я делал это всякий раз, когда смотрел в чьи-то глаза сквозь маску. Но я этого не делал.

Я прижимаю пальцы к костяшкам, когда поезд отходит от станции. Используя эту... эту черту, я хочу не пересекать ее как можно дольше. Язвительный смешок едва не срывается с моих губ. Я, который не возражает против убийства, брезгую пытками. Лицемеришь, Рицу?

Да. Но даже я считаю, что всему есть предел. Простите меня за то, что я пытаюсь сохранить хоть какой-то уровень порядочности. Или это была мораль?

'Тем не менее, что сделано, то сделано', - говорит Мавла, как мне кажется, успокаивающим голосом. Из-за глубокого звука его трудно разобрать, даже спустя столько времени. 'Теперь нам остается только ждать. Осиное гнездо разворошено, и дроны заполонят воздух. Все, что нам остается, - это наблюдать и прислушиваться, чтобы найти того, кто приведет нас к королеве'.

Отличная метафора.

— Похоже, пиздеца будет много, — замечаю я, готовясь к тому, что моя остановка приближается.

'Я ни разу не говорил, что это будет легко.'

Я усмехаюсь и встаю.

— Считайте меня сумасшедшим, но я начинаю думать, что в этой работе нет ничего легкого.

'Ничто в жизни не дается легко, и уж тем более наше призвание; советую тебе привыкнуть к этому'.

— Как скажете, Мавла, — Я выхожу из здания вокзала и начинаю идти по тропинке к дому. — Хм... что-то не дает мне покоя.

‘Что?’

— Допустим, я найду босса Хассайкай, королеву, и мне удастся убить его. Что произойдет с группой?

'Падение, очевидно; наши предыдущие встречи с этой бандой показали, что они боятся своего лидера, этого... Оверхаула. Он управляет этой группой в основном за счет страха. Убери его, и они рассыплются.'

— Или они расколются и разделятся на группы. Что значительно усложнит мою работу. Насколько я помню, не так ли началась ваша маленькая секта ислама? Один из королей-жрецов умер, и началась борьба, кому достанется трон? В результате переворота один из них был изгнан, а вы последовали за ним?

Хасан издал низкий рык.

‘Ты ошибаешься в фактах: Низар уже был назван наследником своим отцом аль-Мустансиром, а этот вероломный генерал Шаханшах посадил брата Низара аль-Мустали на трон в качестве марионеточного правителя. Это был не спор, а открытое предательство. После того как эти мерзавцы казнили его, мы присвоили себе этот титул, чтобы никто не следовал словам притворщика на ниточках.’

...да, не буду это комментировать. Я знал, что у больших религий есть множество сект, а у этих сект - секты. Чем они отличаются друг от друга? Это мне не понятно. Но для такого человека, как Хасан, который при жизни был практически священником, это была огромная разница.

http://tl.rulate.ru/book/100266/3443262